

УДК: 726.5.03

ББК: 85.113(4)

DOI: 10.18688/aa2212-10-66

М. Л. Заворина

Церковь Богородицы Захумской близ Охрида. Ретроспективные тенденции поздневизантийской архитектуры¹

Церковь Богородицы Захумской, известная также как Заум, расположена на восточном берегу Охридского озера, в 20 км от Охрида [20, с.83–86; 11, с.141–143; 14, с.243–258; 6, с.103–120; 37; 18] (Рис. 1, 2; Илл. 98, 99). Это довольно компактный по размерам крестово-купольный храм на четырёх колонках-сполиях, в плане близкий к квадрату. Изначально с запада примыкал нартекс, вероятно, купольный или с купольным сводом, от которого сохранились только соединённые аркой пилястры на западной стене, фланкирующие портал [11, с.142; 14, с.246–248]. Храм построен в технике клузоне с применением кирпича и камня, с двойными вертикальными кирпичными разгранками. Формально-композиционные характеристики постройки довольно просты: монолитный кубический основной объём поднимается на высоту боковых ячеек, из которых восточные чуть вытянуты по продольной оси, и завершается у основания сводов рукавов креста, которые отчётливо выступают с четырех сторон и оформлены щипцовыми фронтонами. На пересечении рукавов креста на невысокой кубической базе установлен купол на восьмигранном барабане, артикулированном каменными колонками и двухступчатыми слепыми арками, обведёнными поребриком. С востока выступает трёхгранная апсида, также артикулированная вытянутыми слепыми арками. Северный и южный рукава креста выведены на фасад удлинёнными плоскими нишами, акцентирующими вертикаль во внешнем облике постройки. На западном фасаде плоская полуциркулярная ниша артикулирует только сам свод и заканчивается примерно на уровне сводов существовавшего изначально нартекса. Фасадная декорация церкви следует канонам провинциальной греческой линии византийского зодчества: вместо свойственной константинопольской традиции проекции конструктивной системы сооружения на фасад с помощью архитектурного декора преобладает акцентирование целостного лапидарного объёма, подчёркивание плоскости стены горизонтальными поясами декора [45, р.14–27]. Гладкая поверхность стен опоясана фризами псевдомеандра и декоративной кладки *opus reticulatum*, обрамлённой тонкими лентами ступенчатого орнамента. Тимпаны щипцовых фронтонов рукавов креста декорированы расходящимися от вершины ступенчатыми прямыми углами. Тимпаны полуциркулярных слепых

¹ Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН на 2022 г., тема 1.1.1.2.

арок, в которые вписаны небольшие окна, также заполнены керамопластическими орнаментами — на северном фасаде это крещатые ромбы, на южном — ломаная линия, на западном — мотив простой диагональной плетёнки.

В интерьере ощущается вертикализм и стремление к созданию дробного пространства, которые обеспечиваются за счёт увеличения стрелы подъёма подпружных арок, разновысотности пространственных ячеек наоса и распределения свето-теневых акцентов (Рис. 1, 2). Наос довольно тесный, поскольку в восточной травее расположена алтарная зона. Пастофории заменены узкими нишами, устроенными в северной и южной частях восточной стены.

Сохранившаяся внутри над главным входом ктиторская надпись сообщает, что церковь была построена неким кесарем Гргуром и расписана по заказу епископа девольского Григория в 1361 г.² Однако архитектурный облик церкви отчетливо напоминает охридские храмы конца XIII — начала XIV в.: в это время в условиях формирования палеологовского стиля Охрид, бывший с XI в. центром автокефальной архиепископии [10], становится к тому же одним из ведущих архитектурно-художественных центров на Балканах.

После продолжительного периода стагнации в локальной практике [18] появляются

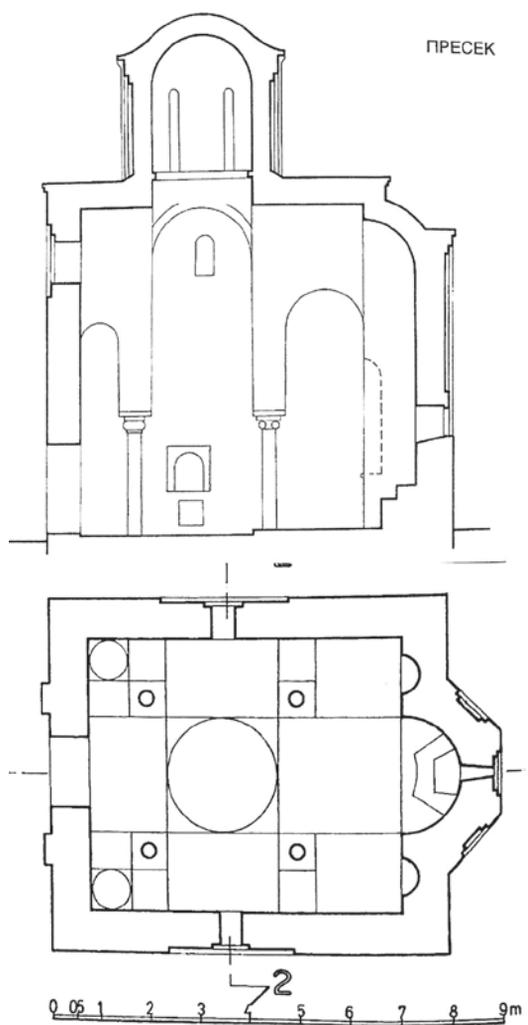

Рис. 1. Церковь Богородицы Захумской, 1361 г., Охридское озеро. Разрез и план [10, с. 244]

² «Ἀνγγέρθη ἐκ βάθρων ὁ Θεῖος καὶ πάνσεπτος ναὸς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς Ζαχλουμήτισας δι' ἐξόδου τοῦ πανευτυχστάτου καίσαρος Γούργουρα καὶ κτήτωρος, ἀνιστορήθη δὲ παρὰ τοῦ πανιερωτάτου ἐπισκόπου Δεαβόλαως καὶ πρωτοθρόνου κύρ Γρηγορίου καὶ κτήτωρος ἐπὶ τῆς βασιλείας Στεφάνου τοῦ Οὐροσίου μηνὶ αὐγούστῳ κέ. ἔτους ,ζωξθ ἰνδ. ιδ'» [Воздвигнут от основания божественный и всечестный храм Пресвятой Богородицы Захлумитиссы [Захумской] на средства всеблагочестивого кесаря Гргура и ктитора, расписан преосвященнейшим первопрестольным епископом Девольским киром Григорием и ктитором в царствование Стефана Уроша месяца августа 25, года 6869 [1361 г. н. э.], индиктиона 14].

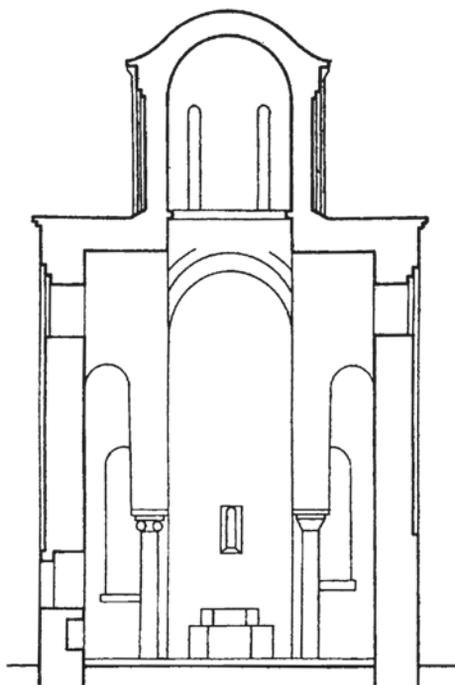

Рис. 2. Церковь Богородицы Захумской, 1361 г., Охридское озеро. Поперечный разрез [10, с. 245]

внешний облик имеет много общего с одним из ключевых памятников не только Охрида, но и поздневизантийского зодчества в целом — с церковью Богородицы Перивлепты, построенной в 1295 г. по заказу византийского аристократа Прогона Згура [40; 11, с. 134–137] (Рис. 3, 4; Илл. 100).

Внешнее сходство охридских храмов конца XIII в. — церкви Св. Иоанна Канео (Илл. 101) и Богородицы Перивлепты — с Заумом было отмечено одним из первых исследователей архитектуры Охрида М. Злоковичем. Следуя предложенной его учителем Г. Милле методологии, Злокович объединил эти три постройки под термином «охридская школа» [11, с. 143]. Под этим довольно условным понятием исследователь подразумевает, скорее, близость архитектурной иконографии и общность некоторых элементов трёх храмов. Этот первый опыт осмысления и классификации материала хоть и нуждается в корректировке, но уже содержит предпосылки к постановке вопроса о специфике архитектурного решения Захумской церкви, в котором воспроизводятся охридские памятники не только отстоящие во времени более чем на 70 лет, но и возведённые в совершенно других исторических условиях и обстоятельствах.

В контексте архитектуры Охрида конца XIII — начала XIV в. Захумская церковь фигурирует и в написанной уже в наше время диссертации Н. Капониса. Достаточными основаниями для передатировки памятника исследователь полагает сходство с местными

репрезентативные постройки довольно высокого уровня — церковь Св. Иоанна Канео (1270–80-е), Богородицы Перивлепты (1295), экзонартекс собора Св. Софии (1313–1314). Архитектурное производство здесь было инспирировано традицией Эпира. Именно отсюда происходят характерные для охридских храмов этого времени особенности, такие как: техника кладки клуазоне; трёхгранные апсиды и гранёные барабаны; щипцовые фронтоны; артикуляция апсид и барабанов слепыми арками, выделение сводов рукавов креста на фасаде полуциркульными плоскими нишами; принципы работы с объёмом и с фасадом, где преобладают простые лапидарные формы, акцентируется массив несущих стен вместо выявления конструктивной системы; декоративный вокабуляр разнообразных кирпичных орнаментов, среди которых наиболее популярны расходящиеся от вершины щипца углы, псевдо-меандры и *opus reticulatum* [46; 47; 48; 8; 9]. Все эти характеристики архитектуры Эпира и поздневизантийского Охрида присутствуют и в Захумской церкви. Более того, её

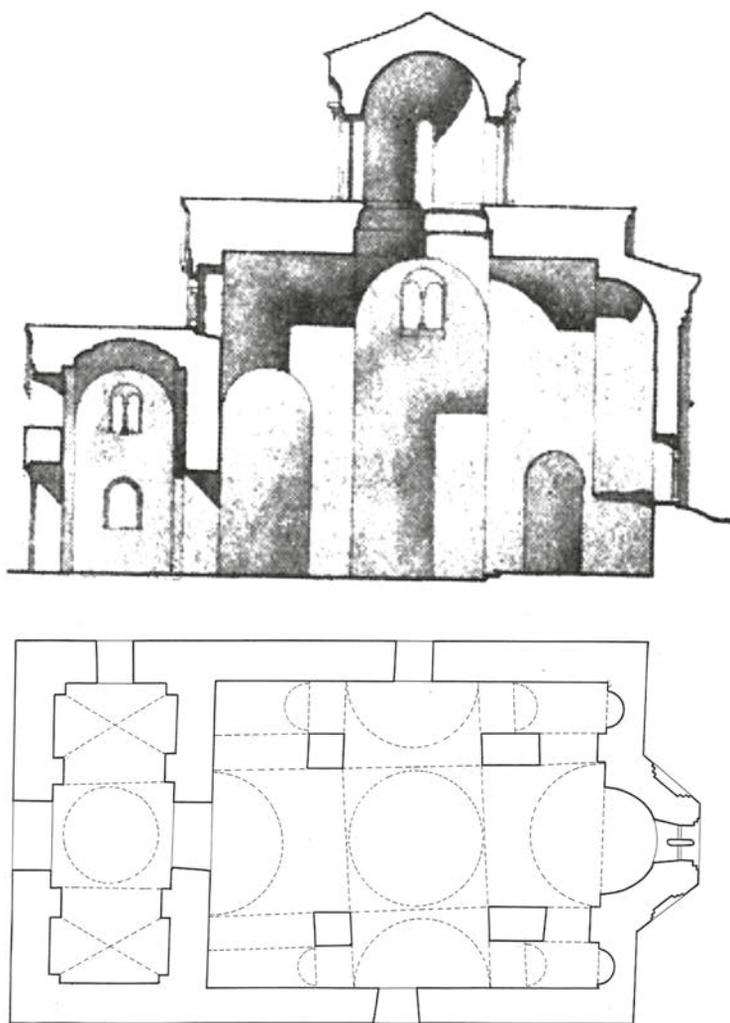

Рис. 3. Церковь Богородицы Перивлепы, Охрид, 1295. Разрез и план [9, с. 134–135]

храмами этого времени и присутствие в Зауме характерных для эпирской традиции элементов. Последнее, по мнению автора, подразумевает работу мастеров из Эпира [49, с. 209, 258, 277–8, 295, 305, 378]. Попытки включения церкви в контекст архитектуры Охрида рубежа веков указывают на то, что роль и место этого памятника в поздневизантийских архитектурных процессах на Балканах до конца не ясны. Небезосновательным кажется и сомнение в верности указанной в ктиторской надписи даты постройки, если принять во внимание историко-архитектурный контекст.

Дело в том, что с усилением сербской экспансии на византийские земли автокефальная Охридская архиепископия, которая изначально была в раздоре с сербской

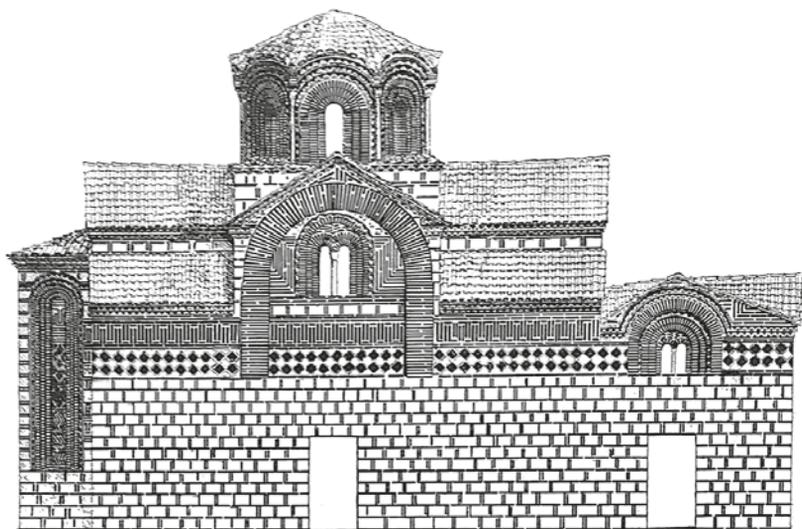

Рис. 4. Церковь Богородицы Перивлепы, Охрид, 1295. Прорисовка северного фасада [31, S. 300]

церковью и не признавала её автономии, в 1334 г. вошла в состав Сербии. Сербский король Душан Сильный (1331–1355) сохранил относительную самостоятельность архиепископии, которую в 1345 г. возглавил его ставленник архиепископ Николай — «первый из Сербии»³, сменивший на этом посту грека Анфима Метохита [1, с. 38; 7, с. 195; 26, с. 317; 5, с. 162]. Сам же город был вверен в управление одному из вассалов Душана — сербскому феодалу, севастократу Бранко Младеновичу [26, с. 329; 31, с. 164]. Архиепископ Николай, стремясь создать видимость процветания города при новой власти, активно развивал и поддерживал все архитектурно-художественные движения. Однако вектор развития архитектуры резко изменился. Репрезентативная линия 1270–1310-х гг. сменилась маргинальным направлением: это предельно схожие по характеристикам маленькие зальные церкви со стропильными двускатными кровлями, построенные в грубой технике из необработанного камня с большим количеством раствора и лишённые декора (ц. Св. Николая Больничного (1337), Малые Св. Врачи, (1330-е), ц. Св. Димитрия (1378/9), малый Св. Климент (1378)). Отдельную группу образуют церкви Богородицы Больничной (1367), Свв. Константина и Елены (1368?) и частично сохранившаяся церковь Св. Георгия в Годивье близ Охрида (конец XIV в.(?)) [28, с. 44–45]. В них сохраняются все вышперечисленные характеристики за исключением типологии — это последние представители специфического характерного для поздневизантийского Эпира типа «ставроэпистегос», с повышенным поперечным цилиндрическим сводом над пересечением пространственных осей. Интересно, что эта непритязательная

³ Надпись, сопровождающая изображение архиепископа Николая на одной из фресок в церкви Св. Софии Охридской.

маргинальная ветвь включает заказы церковных иерархов: церковь Св. Николая Больничного служила придворным храмом [7, с. 197], церковь Свв. Константина и Елены была детищем иеромонаха Парфения, церковь Богородицы Больничной — игумена монастыря Св. Климента Иакова [28, с. 37–43]. При этом расписывать эти храмы приглашали мастеров очень высокого уровня⁴. Можно предположить, что перелом в развитии локальной архитектурной традиции связан с тем, что работавшие здесь на рубеже веков эпирские мастера ушли из Охрида в другие византийские архитектурные центры — возможно, в Верию, где в 1330–50-е гг. появляются постройки с характерными эпирскими чертами (ц. Св. Саввы (после 1334), ц. Свв. Кирика и Иулитты (1330–1351), ц. Св. Николая Сфрандзи (середина–вторая половина XIV в.)) [51], или же были привлечены к работе над заказами Душана и его вельмож. Адаптация к новым условиям заказа и совместная работа с мастерами из других центров объясняла бы и постепенное растворение эпирской традиции в ходе развития сербской архитектуры XIV в. Появление в сербском Охриде характерного для поздневизантийского Эпира типа «ставроэпистегос» свидетельствует о том, что связанные с эпирской традицией мастера здесь всё же оставались. Но, так или иначе, ко второй половине XIV в. в этих условиях византийская традиция Эпира рубежа веков должна была постепенно сойти на нет.

Перейдём от локального контекста к более широкому — региональному. В архитектуре Сербии с начала XIV в. происходит поворот от характерной национальной традиции «Рашской школы» к византизирующему направлению, инициированному кралем Милутином на присоединённых бывших византийских территориях [4; 19]. Главными ориентирами для архитектурной программы Милутина стали Салоники, Константинополь, более ранние местные, северо-македонские, постройки. Эпирское влияние сохраняется здесь в основном в элементах фасадного декора. В памятниках Милутина (ц. Св. Никиты в Чучере (1307), ц. Богородицы Левишки в Призрене (1306–7), ц. Св. Георгия в Старо-Нагоричино (1312–13), ц. Иоакима и Анны в Студенице (1314), ц. Успения в Грачанице (1315–21)) складывается особое направление, не имеющее конкретной привязки к какому-то одному архитектурному центру, не преобразовавшееся в устойчивый единый стиль, но сочетающее разные практики.

В 1330-е гг. с воцарением Душана Сильного византизирующая линия продолжается, но в то же время отчётливее проступает сербская специфика [15, с. 187–189]. В это время активное развитие получает строительство небольших храмов-задужбин по заказу новой сербской аристократии [23]. В окрестностях Скопье — столицы империи Душана, которая становится новым центром приложения архитектурных сил на Северных Балканах, возникает целая группа построек со схожими стилистическими характеристиками. Общими чертами для всех являются: подчёркнутый вертикализм пропорций, умеренное использование керамопластического декора, артикуляция фасадов вертикальными пилястрами и слепыми аркадами без соблюдения строгой архитектоники, модульный принцип построения композиции с группировкой объёмов вокруг центра и характерный мотив в оформлении фасадов, напоминающий триумфальную арку, сме-

⁴ К примеру, в экзонартексе Св. Софии Охридской (росписи ок. 1346–1350) и в церкви Св. Бессребреников (Малые Св. Врачи, 1350-е гг.) работал Иоанн Теорианос — крупнейший мастер в Охриде времен сербского владычества, связанный с салоницкой традицией [6, с. 199–203].

шанная техника кладки, артикуляция фасадов карнизами и нишами, использование наружной росписи оштукатуренных стен, имитирующих кладку. Эта общность легла в основу предложенной Е. Богданович гипотезы о существовании особой региональной «скопской школы» [33]. С. Чурчич же говорит о «стилистической парадигме» [38, р. 557], что кажется более верным определением, поскольку при сохранении известного стилистического единства и наличии сформировавшегося более-менее устойчивого типа вельможной задужбины есть существенные различия в средствах его осуществления, обусловленные желанием заказчика и навыками привлечённых в каждом конкретном случае мастеров. Индивидуализм в архитектуре всё отчётливей проступает во второй половине XIV в., в период феодальной раздробленности Сербии, наступивший после смерти Душана в 1355 г.

Примером локальной интерпретации такого типа аристократической задужбины представляется Захумская церковь. Её внешнее сходство с Перивлептой ограничивается воспроизведением общей архитектурно-иконографической схемы через подражание традиции Эпира конца XIII в. Но более пристальный формально-стилистический анализ обнаруживает обозначенные выше тенденции архитектуры зрелого XIV в. Прежде всего, это сам тип и изменение пропорций: в Перивлепте небольшая вытянутость объёма по продольной оси и четыре прямоугольных подкупольных столпа создают довольно уравновешенную композицию, выстроенную из пропорционально соразмерных элементов. В Зауме же определяющей характеристикой объёмно-пространственного решения является вертикализм: компактный кубический объём, сжатое камерное пространство, раздробленное на небольшие ячейки, соединённые арками разной высоты с заметно превышающей радиус дуги стрелой подъёма, отличается от известной монументальности и широты Перивлепты. Высота подпружных арок рукавов креста превосходит высоту колонок более чем в два раза, вследствие чего значение колонок как несущих опор и как модуля всей конструктивной системы нивелируется. Форма и артикуляция отдельных элементов — барабана, апсиды, щипцовых фронтонов рукавов креста — вторят Перивлепте, но в пропорциях всё яснее акцентируется вертикаль. На пересечении традиций находится и решение фасадов. Характерные для поздневизантийского Эпира и Охрида слепые ниши, артикулирующие только своды рукавов креста, в Зауме изменяются в соответствии с общей вертикализацией пропорций и вытягиваются почти на всю высоту центральной ячейки. Нереализованный в полной мере мотив триумфальной арки, свойственный скопской группе и восходящий к традиции Константинополя, возникает здесь, скорее, как переосмысление эпирского мотива. Заполнение тимпанов слепых арок Захумской церкви кирпичными орнаментами в большей степени соответствует стилистике круга Скопье, где подобное решение встречается в целом ряде памятников (ц. Св. Архангелов в Штипе (1332), Спаса в Кучевиште (1332–37), Св. Николая в Люботене (1337) и т. д.). В храмах Охрида полуциркульные ниши в торцах рукавов креста либо оставлены без заполнения, либо частично декорированы расходящимися прямыми углами. Яркое свойство эпирско-охридского направления — полоса *opus reticulatum* в сочетании с меандром и ступенчатым орнаментом. Эта комбинация свойственна именно Охриду и встречается во всех местных поздневизантийских памят-

никах. Остальные орнаменты, использованные в Зауме, редко встречаются в Охриде конца XIII — начала XIV в., но широко распространены именно в скопской группе.

Такое сочетание традиций приводит к вопросу: можно ли рассматривать Заум как пример локального ретроспективизма? И что является *ретроспективизмом* в случае, когда речь идёт о средневековом храмовом зодчестве, где сформированная в соответствии с каноном традиция пронизывает всю эпоху и делает неизбежным обращение к прошлому?

Именно это свойство имел в виду Х. Бухвальд, когда, обратившись к проблеме стиля в византийской архитектуре, выявил четыре последовательно сменяющих друг друга тенденции и обозначил последнюю как «ретроспективный стиль» («Стиль IV»). Расцвет этого стиля, основанного на эклектичном комбинировании архитектурных форм, свойственных разным периодам и регионам, приходится на палеологовское время [36, p. 9–11]. Ретроспективная тенденция поздневизантийской архитектуры апеллировать к ранее найденным решениям трактуется Р. Краутхаймером как мотивация возрожденческого толка, раскрывающая смысл понятия «Палеологовский ренессанс» [42, p. 417]. Однако обращение к достижениям предшествующих периодов видится нам, скорее, определённым условием продолжения и существования традиции храмового зодчества, которое зиждется на устойчивом каноне, выработанном ранее как оптимальное сочетание конструктивного, символического и практического аспектов — как наиболее подходящее архитектурное оформление богослужебного действия.

Другим опытом осмысления прошлого стало распространённое в византийском зодчестве явление, обозначенное Бухвальдом как *ретрофит* — то есть, актуализация и модернизация устаревших построек в соответствии с новыми архитектурными тенденциями вместо их уничтожения [35]. В качестве одного из примеров исследователь приводит церковь Панагии Паригоритиссы в Арте: построенная в сложном варианте крестово-купольного типа около середины XIII в., в 1290-е гг. она была превращена в уникальный по конструкции октагон с сохранением «оболочки» первоначального храма — стен и апсид — до высоты карнизов [35, p. 17–19; 46, p. 83–84].

Важным свойством именно *ретроспективизма* как осознанного обращения к прошлому, к его предпочтению и культивированию, на наш взгляд, является идеологическая мотивация — декларация некоей идеи. К примеру, кафоликон Влахернского монастыря в Арте, ставший усыпальницей эпирских деспотов, в 1230-е гг. был перестроен из небольшой средневизантийской базилики в сложную по конструкции трёхнефную структуру, отсылающую к монастырю Пантократора в Константинополе — усыпальнице Комнинов [44, p. 562–571]. Но морфологические, декоративные, композиционные параметры находятся в полном соответствии с традициями ранней эпирской школы, а не Константинополя. То есть, в данном случае мы находимся на грани ретроспективизма и ретрофита.

Культивирование прошлого как идеологическая мотивация проявляется и в другом качестве, которое вернее будет обозначить как *реминисценцию*. Здесь речь идёт, скорее, о цитировании каких-то единичных мотивов. Пример такого метода представлен в предложенной Г. Веленисом гипотезе о существовании локальной традиции Салоник, основанной на сочетании передовых тенденций византийского зодчества с архитек-

турными цитатами ранних салониких памятников — церкви Св. Димитрия (вт. пол. V в.) и Св. Софии Солунской (VIII в.), главных святынь города, служивших своего рода эстетическими ориентирами. В настоящее время эта концепция требует уточнений, поскольку обнаруживает достаточно спорных вопросов. Но есть и весьма убедительные аргументы. Так, по мнению Велениса, в церкви Панагии тон Халкеон (1028) комбинация трёхгранной центральной апсиды с полукруглыми боковыми отсылает к аналогичному решению в Софии Солунской [48].

Поэтому другим качественным свойством собственно ретроспективизма, по нашему мнению, следует считать некую «стилистическую девиацию» — выход за пределы линейного развития стиля, внезапный анахронизм, выпадающее из общего архитектурного контекста, но последовательно осуществлённое обращение к уже пройденным этапам. Таких примеров немного. Наиболее показательный — монастырь Баньска (1312–1316), усыпальница сербского крала Милутина, построенная в рамках его строительной программы, апеллирующей к византийской традиции [32; 4, с. 35–36]. Но в данном случае происходит осознанное обращение к предшествующей национальной сербской традиции «Рашской школы» (конец XII–XIII вв.) как некий коммеморативный акт. Типология храма, функциональное членение на три пространственные зоны, декоративное оформление, включающее скульптуру и мраморную облицовку — всё это полностью соответствует сложившемуся в «Рашской школе» устойчивому типу царской задужбины и ориентировано, прежде всего, на церковь Успения Богородицы в Студенице, задужбину основателя династии Стефана Немани. В то же время византийская техника кладки с применением кирпича выступает как маркер новой эпохи, ознаменованной сменой ориентиров и усвоением новых архитектурных практик [15, с. 186–187].

Другой пример проявления ретроспективизма — несохранившийся ныне монастырь Св. Димитрия в Стомиу в Фессалии, в точности воспроизводящий план и внешний облик (насколько можно судить по фотографиям и рисункам начала XX в.) церкви Пророка Или в Салониках [16]. Ранее церковь Св. Димитрия датировалась концом XIV в., но в настоящее время передатирована XVI в. [50; 43]. Следует отметить, что подобная практика воспроизведения конкретных значимых построек была хорошо известна древнерусскому зодчеству и определена в отечественной историографии как «строительства по образцу» [3, с. 63–64]. С этих позиций своеобразие Захумской церкви объяснялось бы намного проще. Однако в случае «строительства по образцу» речь идет о более широком и разнородном явлении, где общим знаменателем служит только опора на избранный ориентир. Проблематика ретроспекции в архитектуре, таким образом, размывается, уловить отдельные тенденции становится сложнее.

Вернёмся к Захумской церкви. Об обстоятельствах её строительства почти ничего не известно. Предположить, какими мотивациями были движимы основатели, можно только через интерпретацию единственного письменного источника — ктиторской надписи в интерьере (см. прим. 1). Итак, церковь была построена в правление Стефана Уроша V в 1361 г. В это время политическая обстановка резко изменилась. В блистательное правление Душана Сильного Сербия достигла небывалой мощи, став сильнейшим государством на Балканах и главным конкурентом Византии. Когда после смерти Душана к власти пришел его наследник Урош V (1355–1371), неслучайно прозванный Слабым,

некогда единое Сербское царство быстро превратилось в конгломерат самостоятельных, управляемых вельможами княжеств, только формально подчинявшихся всё более ослабевающей центральной власти. Завоёванные у Византии территории центральной и северной Греции были поделены между многочисленными отпрысками Неманичей и Палеологов. Открытый вызов Урошу V бросил правивший в Эпире Симеон Синиша, сводный брат Душана. Победу в междоусобной войне одержал Урош, заручившийся поддержкой наместника Фессалии кесаря Прелюба, Радослава Хлапена — правителя Верии и Кастории, и правителя Охрида Бранко Младеновича [26, с. 329].

Церковь Богородицы Захумской была построена кесарем Гргуром — имя, безусловно, славянское и принадлежит сербскому вельможе. Титул кесаря — третий в иерархии византийских чинов, который в сербском королевстве мог присваиваться только лично действующим правителем — говорит о высоком положении ктитора и даже намекает на родственные связи с правящей династией. Титул был введён Душаном Сильным в подражание Византии и дарован трём его сподвижникам — Гргуру Голубичу, Григорию Прелюбу и Войхне [41, р. 363; 31, р. 165]. Имя кесаря Гргура появляется в ряде государственных и церковных документов эпохи⁵. Считается, что речь в этих документах идет о Гргуре Голубиче, который был видным деятелем при дворе Душана и поддерживал связи с католическим Западом — вел переговоры с папой Климентом VI по заключению унии между Сербской церковью и Римом, послал богатые дары в базилику Св. Николая в Бари [31, с. 164–170; 21, с. 142]. Однако был и другой Гргур, упоминаемый в источниках без фамилии и титула. К. Йеречек установил, что это средний сын правителя Охрида Бранко Младеновича, которому приписывают родство с королевской династией Неманичей⁶, и брат Вука Бранковича, родоначальника последней династии правителей Сербской деспотины (1345–1397) [29, р. 164; 26, с. 329]. На западном фасаде предела Св. Григория Богослова в Перивлепте (1364–5), заказанного и расписанного чуть позже теми же ктиторами, сохранились портреты сыновей Бранко Младеновича. Гргур представлен как правитель — в богатых одеждах, украшенных медальонами с изображением львов⁷, по правую руку от Уроша V, с молитвенным жестом, обращенным к Св. Григорию Богослову [6, с. 121–122; 27, с. 18]. Соответственно, в историографии утвердились две равноправные версии. Одни исследователи называют ктитором храма Гргура Бранковича — эта версия представляется вполне логичной, и ее мы намерены придерживаться. Другие авторы считают, что ктитором Заума был оглядывающийся на Запад Гргур Голубич, и аргументируют свою позицию отсутствием достоверных сведений о наличии титула кесаря у сына Бранко Младеновича [25; 30, с. 256–257]⁸. В любом случае, из-за отсутствия достаточной источниковой базы и путаницы с именами и званиями

⁵ Письмо папы Климента VI (1347), грамота Душана монастырю Свв. Архангелов (1348–53), список советников Душана из «каторских хартий» (1351), список сербских даров церкви Св. Николая в Бари.

⁶ Известно, что дед Гргура, Младен, носил наследственный титул жупана и, возможно, происходил из младшей ветви Неманичей от кнеза Вука [2, с. 44–46].

⁷ По мнению Ц. Прозданова львы с вытянутыми вперед лапами — родовой герб Бранковичей [4, с. 123].

⁸ Другой контраргумент проистекает из подписи портрета Груга Бранковича в приделе Св. Григория: титулатура начинается словом «велик...» (как и у Вука Бранковича), что не характерно для титула кесаря.

в сохранившихся письменных источниках вопрос идентификации остается открытым. Единственный возможный ответ дан в просопографическом исследовании М. Шуицы [31, с. 171–172]: нельзя утверждать, что упомянутый в документах кесарь Гргур был ктитором Заума, но нельзя с уверенностью говорить и об обратном.

Захумская церковь — единственная, освященная в честь изначально сербского, а не византийского, культа иконы Божией Матери, который был принесен на охридские земли из Захумья (совр. Герцеговина и Далмация) самим ктитором. Это мог быть как Гргур Голубич, который был родом с запада Сербии [13, с. 141–142], так и Гргур Бранкович: считается, что Бранковичи были выходцами из Захумья, с приморских земель [20, с. 84–85; 2, с. 44–46]. В ситуации перенесения местного культа было бы ожидаемым и заимствование мотивов из богатой архитектурной традиции адриатического Приморья, особенно если считать ктитором Гргура Голубича, ставившего в приоритет отношения с Западом. Приняв идентификацию ктитора как Гргура Бранковича, можно предположить, что выбрав в качестве ориентира Перивлепту, он руководствовался желанием придать индивидуальность своей задужбине через связь с архитектурой вверенного его семейству города. Освящение выполненной в эпиро-охридской традиции церкви в честь иноземного, принесённого с родины предков ктитора культа богородичной иконы, можно интерпретировать как некое утверждение власти Бранковичей в Охриде. Не исключено также, что через связь с Перивлептой, которая была построена византийским вельможей и родственником императора Андроника II, кесарь Гргур стремился подчеркнуть своё высокое положение и предполагаемые родственные связи с правящей династией.

Вторым ктитором назван «первопрестольный епископ Девола» Григорий. О нём, как и о других церковных иерархах Охридской архиепископии XIV в., известно немного. Девол, находившийся к югу от Охрида, близ Корче, с IX в. был крупным центром славянской культуры, где был развит культ Св. Наума, сподвижника Климента Охридского. Тогда же здесь появилась епископская кафедра. В течение нескольких столетий церковная и светская власть, границы государств и епархий многократно менялись. После 1355 г. Девол вошёл в состав Эпирского царства⁹, но Девольская епархия находилась в подчинении Охридской архиепископии. Епископ Григорий — вероятно, уроженец Охрида, принимал активное участие в церковно-административной и художественной жизни города. Впервые Григорий Девольский упоминается в грамоте Душана от 1345 г., дарованной церкви Перивлепты в Охриде: тогда он получил от Душана особые полномочия, связанные с управлением церковными наделями [30, с. 673; 40, р. 127], что говорит о высоком положении и авторитете епископа, пользовавшегося доверием у правителя. В 1360-е гг. Григорий руководил строительством, поновлением и росписью охридских храмов. В 1364–65 гг. по его заказу были построены и расписаны приделы в церкви Перивлепты: в ктиторской надписи северного придела в честь Св. Григория Богослова епископ Девола упомянут в третий раз, но уже не как первопрестольный и вместе с архиепископом охридским Григорием II [34, с. 92; 32, с. 341; 5, с. 217]. Точно неизвестно, сколько времени прошло между смертью архиепископа Николая и всту-

⁹ Ц. Грозданов пишет, что к 1361 г. Девол находился в управлении Гргура Голубича [5, с. 171].

плением в сан Григория II, как решались церковно-административные вопросы и как распределялись роли в этот период. Не исключено, что Григорий Девольский какое-то время мог занимать архиепископскую кафедру после смерти Николая. Вероятно, на это время и пришлось строительство Заума. По предположению Ц. Грозданова, необходимость отдельного упоминания архиепископа Охридского снималась тем, что строительство церкви велось на землях Девольской епархии (юго-восток Охридского озера), неподалеку от монастыря Св. Наума [6, с. 103–105; 13]. В недавно опубликованной статье С. Богевска-Капуано предполагает, что епископ Девольский возглавил Охридскую архиепископию уже после смерти Григория II в 1368 г. и отождествляет его с архиепископом Григорием III [34]¹⁰. Но почему только в Заумской надписи Григорий упомянут как прототрон? По мнению Ц. Грозданова, которое разделяет и С. Богевска-Капуано, Кастория в это время находилась во власти Симеона Синиши и временно вышла из подчинения Охридской архиепископии, в связи с чем сан прототрона перешёл к епископу Деволы [6, с. 172]. Когда именно это произошло установить сложно, как *terminus post quem* предлагается 1361 г. [34, р. 128]. Позднее, в 1364–65 гг., Касторийская епархия снова оказалась в подчинение Охрида, и титул прототрона вернулся касторийскому епископу [34, р. 128–129]. По мнению И. Снегарова, Григорий Девольский был дружен с кесарем Гргуром, который и возвёл его в сан первопрестольного епископа, обыкновенно закреплённый за епископом Касторийским, так же подчинявшимся Охридской архиепископии. К моменту появления приделов в Перивлепте Бранковичи возглавляли Косово и Метохию, Гргуур больше не был правителем в Охриде, и епископ девольский лишился высокого сана [26, с. 342; 7, с. 204]. Из-за туманности и приблизительности имеющихся в науке представлений о хронологии, иерархах и границах девольской епархии эти предположения остаются спорными и не дают законченных убедительных ответов.

Должно быть, в облике Перивлепты епископ Григорий видел выражение «золотого века» Охрида — времени его расцвета как духовного и культурного центра, память о котором была жива.

Таким образом, взаимодействие византийской и сербской культур, ставшее характерной чертой эпохи, нашло отражение в архитектуре Захумской церкви. Вместе с тем мы полагаем, что этот памятник служит ярким и редким для византийской архитектуры примером проявления локального ретроспективизма, разделяющим выявленные нами сущностные характеристики этого явления применительно к византийскому зодчеству — стилистическая девиация, сопряжённая с идеологической мотивацией. Построенная по заказу сербского кесаря, Захумская церковь должна рассматриваться в рамках традиции сербских вельможных задужбин второй половины XIV в., которой соответствуют и стилистические характеристики постройки. Но во внешнем облике церкви отчётливо видно следование архитектурной традиции Эпира и Охрида конца XIII — начала XIV вв., которое, на наш взгляд, могло быть продиктовано совпавшим стремлением ктиторов. Для кесаря Гргура это могло быть монументальной декларацией власти захумской династии в главном городе Охридской архиепископии, для амбици-

¹⁰ Соответственно, новую датировку получает и придел Св. Григория Богослова в Перивлепте.

озного епископа Григория — заявлением о возрождении Охрида как духовного центра, каким он был на рубеже веков.

Однако поскольку в изучении динамично развивавшейся, насыщенной перипетиями церковной и политической истории Балкан второй половины XIV в. до сих пор остаётся множество белых пятен, представленные в статье выводы являются лишь одной из возможных интерпретаций этих событий, и дальнейшее изучение темы лежит уже в области исторической науки.

Литература

1. *Атанасовски А.* Охридската архиепископија во XIV век // Годишен зборник на Филозофскиот факултет. — 2003. — № 56. — С. 31–46.
2. *Благојевић М.* Државна Управа у Српским Средњовековним земљама. Београд: Службени лист СРЈ, 2001. — 344 с.
3. *Воронин Н. Н.* Архитектурный памятник как исторический источник // Советская археология. — 1954. — № 19. — С. 41–76.
4. *Воронова А. А.* Особенности «византинизации» сербской архитектуры в эпоху короля Милутина (1281–1321) // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. — 2017. — Вып. 28. — С. 26–48.
5. *Грозданов Ц.* Охрид и Охридската архиепископија во XIV век // Историја. — 1980. — Вып. 16.1. — С. 157–187.
6. *Грозданов Ц.* Охридско зидно сликарство XIV века. Београд: Филозофски факултет; Институт за историју уметности, 1980. — 227 с.
7. *Джурич В.* Византийские фрески. Средневековая Сербия, Далмация, Македония. — М: Индрик, 2000. — 592 с.
8. *Заворина М. Л.* Эпирская традиция в поздневизантийской архитектуре Северной Македонии // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 11 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. — С. 468–479. DOI: 10.18688/aa21111-04-36
9. *Захарова А. В., Дятлова Е. С.* О строителях и художниках, работавших в македонском Прилепе в конце XIII века // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — 2020. — Т. 28, № 2. — С. 46–72. DOI: 10.21638/spbu19.2020.204
10. *Захарова А. В., Мальцева С. В.* Художественные традиции и церковно-политическая идеология в искусстве Македонии в эпоху создания охридской архиепископии // Византийский временник. — 2022. — Т. 106. — С. 174–199.
11. *Злоковић М.* Старе цркве у областима Преспе и Охрида // Старинар. — 1925. — С. 115–149.
12. *Јанковић М.* Епископије и митрополије српске цркве у средњем веку. — Београд: Историјски институт у Београду, 1985. — 227 с.
13. *Јиречек К.* Историја Срба. — Београд: Научна књига, 1952. — 512 с.
14. *Кораћ В.* Споменници монументалне српске архитектуре XIV века у Повардарју. — Београд: Полиграф, 2003. — 341 с.
15. *Мальцева С. В.* Пути и формы западноевропейских влияний в архитектуре Сербии XIV–XV веков. // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 6 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: НП-Принт, 2016. — С. 185–196. DOI: 10.18688/aa166-2-20
16. *Мальцева С. В.* Особенности храма Пророка Илии в Салониках и проблема региональных направлений в поздневизантийской архитектуре // Искусство византийского мира. Индивидуальность в художественном творчестве: Сб. статей в честь О. С. Поповой / Ред.-сост. А. В. Захарова, О. В. Овчарова, И. А. Орецкая. — М.: ГИИ, 2020. — С. 232–247.
17. *Мальцева С. В.* Монастырская архитектура эпохи святых Наума и Климента Охридских в контексте храмового зодчества первого Болгарского царства и архитектурных традиций византийских про-

- виндий IX–XI веков // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 10 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: НП-Принт, 2020. — С. 809–828. DOI: 10.18688/aa200-7-75
18. Мальцева С. В., Фрезе А. А. Строительство в Северной Македонии в период возвращения под византийское владычество // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 11 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. — С. 422–436. DOI: 10.18688/aa2111-04-33
  19. Мальцева С. В. Строители Милутина и Душана как проводники имперской идеологии в Македонии. Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 12 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. — С. 856–881. DOI: 10.18688/aa2212-10-68
  20. Милюков П. Н. Христианские древности Западной Македонии // Известия Русского археологического института в Константинополе. 1899. — IV. — Вып. 1 — С. 21–151.
  21. Миљковић Б. Нарочито поштоване иконе у средњовековној Србији // Зограф. — 2020. — № 44. — С. 127–156.
  22. Михаиљ П. Крај Српског царства. — Београд: Српска књижевна задруга, 1975. — 325 с.
  23. Немыкина Е. А. Имперская идеология в задужбинах Душана Сильного и его вельмож в Македонии // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 11 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. — С. 492–500. DOI: 10.18688/aa2111-04-38
  24. Новаковић С. Законски споменици Српских држава средњег века. — Београд: Српска краљевска академија, 1912. — 912 с.
  25. Радојичић Ђ. Сп. Ко је подигао манастир Заум? // Историјски преглед. — 1954. — № 1. — С. 44–46.
  26. Снегаров И. История на Охридската архиепископия. Т. 1. От основаването ѝ до завладяването на Балканския полуостров от турците. — София: Акад. изд. «М. Дринов», 1995. — 347 с.
  27. Спремић М. Деспот Бурађ Бранковић и његово доба. Београд: Српска књижевна задруга, 1994. — 859 с.
  28. Суботић Г. Свети Константин и Јелена у Охриду. — Београд: Филозовски факултет у Београду — Институт за историју уметности, 1971. — 144 с.
  29. Томоски Т. Прилог кон топографијата на Климентова епархија // Историја. — 1980. — Вып. 16.1. — С. 149–158.
  30. Ферјанчић Б. Севастократори и кесари у Српском царству // Зборник Филозофског факултета. — 1970. — XI–I. — С. 255–269.
  31. Шуица М. О кесару Гругу // Зборник радова Византолошког института. — 1995. — № 34. — С. 153–172.
  32. Шупут М. Манастири Бањска. — Београд: Републички завод за заштиту споменика културе, 2004. — 48 с.
  33. Bogdanović J. Regional Developments in Late Byzantine Architecture and the Question of 'Building Schools': An Overlooked Case of the Fourteenth-Century Churches from the Region of Skopje // Byzantinoslavica. — 2011. — Vol. 69/1–2. — P. 219–266.
  34. Bogevska-Capvano S. Grégoire de Dévolis: carrière et réseaux d'un évêque du XIVe siècle // Patrimonium. MK. — 2016. — Year 9, № 14. — P. 125–138.
  35. Buchwald H. Retrofit — Hallmark of Byzantine Architecture? // Form, Style and Meaning in Byzantine Architecture. Aldershot: Ashgate Variorum, 2001. — VIII. — P. 1–22.
  36. Buchwald H. The Concept of Style in Byzantine Architecture // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. — 1986. — Vol. 36. — P. 303–316.
  37. Ćirić J. Brick Substance at Zaum Church in Ohrid // Patrimonium. MK. — 2013. — Year 6, № 11. — P. 99–109.
  38. Ćurčić S. Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent. — New Haven, London: Yale University Press, 2010. — 913 p.
  39. Ćurčić S. The Epirote Input in the Architecture of Byzantine Macedonia and of Serbia Around 1300 // Αφεύροα στον ακαδημικού Παναγιώτη Α. Βοκοπούλου. — Αθήνα, 2015. — P. 127–140.
  40. Hallensleben H. Die architekturgeschichtliche Stellung der Kirche Sv. Bogorodica Peribleptos (Sv. Kliment) // Musée Archéologique de Macédoine. Recueil des Travaux. — Vol. 6/7. — 1967–1974. — S. 297–316.

41. *Kazhdan A.* Caesar // The Oxford Dictionary of Byzantium. — Vol. 1. — New York: Oxford University Press, 1991. — 728 p.
42. *Krauthheimer R.* Early Christian and Byzantine architecture. 4th ed. (revised by R. Krauthheimer and S. Ćurčić). New Haven, London, 1986. 553 p.
43. *Papazotos Th.* The Identification of the Church of 'Profitis Elias' in Thessaloniki // *Dumbarton Oak Papers.* — 1991. — Vol. 45. — P. 120–127.
44. *Soulis G.* The Serbs and Byzantium During the Reign of Tsar Stephen Dušan (1331–1355) and His Successors. Washington: Dumbarton Oaks Library and Collection, 1984. — 353 p.
45. *Trkulja J.* Aesthetics and Symbolism of Late Byzantine Church Façades, 1204–1453. — Princeton, 2004. — 378 p.
46. *Vocotopoulos P.* Church Architecture in the Despotate of Epirus: The Problem of Influences // *Зорграф.* — Београд, 1998–99. — № 27. — С. 72–92.
47. *Zavorina M. L.* Palaeologan Architecture on the Byzantine Periphery: The Case of Ohrid // *Niš and Byzantium.* — 2022. — Vol. 20. — P. 305–322.
48. *Βελένης Γ.* Η βυζαντινή αρχιτεκτονική της Θεσσαλονίκης. Αισθητική προσέγγιση // *Αφιέρωμα στη μνήμη του Σωτήρη Κίτσα.* — Θεσσαλονίκη, 2001. — Σ. 1–25.
49. *Καπώνης Ν.* Η Ναοδομική αρχιτεκτονική του δεσποτάτου της Ηπείρου: την περίοδο της δυναστείας των Κομνηνών Αγγέλων (1204–1318). — Αργίριο, 2005. — 447 σ.
50. *Μαμαλούκος Στ., Σδρόλια Στ.* Το αρχικό καθολικό και ο παλαιός περίβολος της Μονής Στομίου // *Άγιος Δημήτριος Στομίου: Ιστορία — τέχνη — ιστορική γεωγραφία του μοναστηριού και της περιοχής των εκβολών του Πηνειού.* Επμ. Στ. Γουλούλης — Στ. Σδρόλια. — Λάρισα, 2010. — Σ. 93–106.
51. *Παπαζώτος Θ.* Η Βέροια και οι ναοί της (11^{ος} — 18^{ος} αι.). — Αθήνα: Υπουργείο Πολιτισμού, 1994. — 468 σ.

Название статьи. Церковь Богородицы Захумской близ Охрида. Ретроспективные тенденции поздневизантийской архитектуры

Сведения об авторе. Заворина, Мария Леонидовна — научный сотрудник. Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ), ул. Душинская, 9, Москва, Российская Федерация, 111024; аспирант. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, Москва, Российская Федерация, 119991. marika_1096@mail.ru ORCID: 0000-0003-1652-1006

Аннотация. В статье развернутый стилистический анализ архитектурного решения церкви Богородицы Захумской (1361) дополнен контекстуальным анализом с привлечением имеющихся данных церковной и политической истории Охридской архиепископии и Сербии с 1330-х гг. и до конца XIV в. На основе полученных результатов выдвигается предположение, что Захумская церковь являет пример целенаправленного обращения к значимым раннепалеологовским памятникам Охрида, примыкающим к архитектурной традиции Эпира, а именно — к церкви Богородицы Перивлепты, что могло быть вызвано совпавшим стремлением ктиторов. Для правителя Охрида кесаря Гргура задужбина в эпирско-охридской традиции, вероятно, была монументальной декларацией власти захумской династии в главном городе Охридской архиепископии, для амбициозного епископа Григория — заявлением о возрождении Охрида как духовного центра. Попытка уточнения роли и места Захумской церкви в локальной и региональной архитектурной традиции конца XIII–XIV вв. приводит к постановке концептуальной проблемы, касающейся сущности и конкретных проявлений ретроспективизма в поздневизантийском зодчестве. Ретроспективная тенденция прослеживается в воспроизведении более ранних решений и компилятивности поздневизантийской архитектуры, в ориентации на значимые образцы через цитирование отдельных элементов, и крайне редко — в дословном повторении этих образцов. В этом ряду Захумская церковь представляется интересным примером воспроизведения раннего местного памятника, интерпретированного в русле актуальных стилистических тенденций.

Ключевые слова: поздневизантийская архитектура, Охрид, ретроспективизм, Заум, Македония

Title. The Church of Holy Mother of God Zahumska near Ohrid: Retrospective Trends in the Late Byzantine Architecture¹¹

Author. Zavorina, Maria L. — researcher. The Research Institute of Theory and Architecture and Urban Planning, Dushinskaya ul., 9, 111024 Moscow, Russian Federation; Ph. D. student. Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation. marika_1096@mail.ru ORCID: 0000-0003-1652-1006

Abstract. In this article, a detailed stylistic analysis of the architectural design of the Church of the Holy Mother Zahumska (1361) is supplemented by a contextual analysis using the available data on the ecclesiastical and political history of the Ohrid Archbishopric and of Serbia of the 14th century. On the basis of the results obtained, it is suggested that the Church is an example of a purposeful appeal to the significant Early Palaeologan monuments of Ohrid, belonging to the architectural tradition of Epirus — namely, to the Church of the Virgin Peribleptos. It could be caused by the coincident desire of the donators. An attempt to clarify the role and place of the Zahumska Church in the local and regional architectural tradition of the late 13th–14th centuries leads to the conceptual problem of the essence and specific manifestations of retrospective trends in Late Byzantine architecture. They can be traced in the reproduction of earlier solutions and compilability of Late Byzantine architecture, in imitation of significant monuments by quoting their individual elements, and extremely rarely in close repetition of these patterns. In this row, the Church of Holy Mother Zahumska is an interesting example of the reproduction of an early local monument, interpreted in accordance with current stylistic trends.

Keywords: Late Byzantine architecture, Ohrid, retrospective, Church of Zaum, Macedonia

References

- Atanasovski A. Ohrid Archbishopric in the 14th century. *Annual Proceeding of the Faculty of Philosophy*, 2003, vol. 56, pp. 31–46 (in Macedonian).
- Blagojević M. *Državna uprava u srpskim srednjovekovnim zemljama (State Administration in Serbian Medieval Countries)*. Belgrade, Služebni list CPJ Publ., 2001. 344 p. (in Serbian).
- Bogevska-Capuanò S. Grégoire de Dévolis: carrière et réseaux d'un évêque du XIVE siècle. *Patrimonium. MK*, 2016, year 9, № 14, pp. 125–138 (in French).
- Čurčić S. *Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent*. New Haven; London, Yale University Press Publ., 2010. 913 p.
- Čurčić S. The Epirote Input in the Architecture of Byzantine Macedonia and of Serbia Around 1300. *Collection of Articles in Honor of Academician Panayotis L. Vocotopoulos*. Athens, 2015, pp. 127–140.
- Ferjančić B. Sevastocrators and Caesars in the Serbian Empire. *Zbornik Filozofskog fakultet*, 1970, iss. XI–I, pp. 255–269 (in Serbian).
- Janković M. *Episkopije i mitropolije srpske crkve u srednjem veku (Bishoprics and Metropolies of the Serbian Church in the Middle Ages)*. Belgrade, Istorijski institut u Beogradu Publ., 1985. 227 p. (in Serbian).
- Jireček K. *Istorija Srba (History of the Serbs)*. Belgrade, Naučna knjiga Publ., 1952. 512 p. (in Serbian).
- Kaponis N. *Church Architecture of the Despotate of Epirus: the Period of the Komnenian Angelos Dynasty (1204–1318)*. Agrinio, 2005. 447 p. (in Greek).
- Korać V. *Spomenici monumentalne Srpske arhitekture XIV veka u Povardarju (Monuments of Monumental Serbian Architecture of the 14th Century in Povardarje)*. Belgrade, Poligraph Publ., 2003. 341 p. (in Serbian).
- Krautheimer R. *Early Christian and Byzantine Architecture (revised by R. Krautheimer and S. Čurčić)*. New Haven, London, 1986. 553 p.
- Maltseva S. V. Western Influences in Serbian Architecture of the 14th–15th Centuries. Zakharova A.; Maltseva S.; Stanyukovich-Denisova E. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, vol. 6. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2016, pp. 185–196. Available at: <http://dx.doi.org/10.18688/aa166-2-20> (in Russian).

Maltseva S. V. Monastic Architecture of the Circle of Saints Naum and Clement of Ohrid in the Context of the Church Architecture of the First Bulgarian Kingdom and the Architectural Traditions of the Byzantine

¹¹ This study is based on the research supported by the Program of Fundamental Research of the Ministry of Construction, Housing and Utilities of the Russian Federation and of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences — 2022, research project 1.1.1.2.

Provinces of the 9th–11th Centuries. Zakharova A.; Maltseva S.; Stanyukovich-Denisova E. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 10*. Lomonosov Moscow State University; St. Petersburg, NP-Print Publ., 2020, pp. 809–828. Available at: <http://dx.doi.org/10.18688/aa200-7-75> (in Russian).

Maltseva S. V.; Freze A. A. Architecture of the Northern Macedonia after Reinstallation of the Byzantine Rule. Zakharova A.; Maltseva S.; Stanyukovich-Denisova E. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 11*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press Publ., 2021, pp. 422–436. Available at: <http://dx.doi.org/10.18688/aa2111-04-33>

Maltseva S. V. The Special Features of the Church of the Prophet Elijah in Thessaloniki: The Problem of Regional Traits in Late Byzantine Architecture. Zakharova A.; Ovcharova O.; Oretskaia I. (eds.). *Art of the Byzantine World. Individuality in Artistic Creativity. A Collection of Essays in Honour of Olga Popova*. Moscow, State Institute for Art Studies Publ., 2021, pp. 40–49 (in Russian).

Maltseva S. V. The Builders of Milutin and Dušan as Agents of Imperial Ideology in Macedonia. Zakharova A.; Maltseva S.; Stanyukovich-Denisova E. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 12*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press Publ., 2022, pp. 856–881. Available at: <http://dx.doi.org/10.18688/aa2212-10-68> (in Russian).

Mihalić R. *Kraj Srpskog carstva (The End of the Serbian Empire)*. Belgrade, Srpska književna zadruga Publ., 1975. 325 p. (in Serbian).

Milković B. Particularly Revered Icons in Medieval Serbia. *Zograf*, vol. 44, 2020, pp. 127–156 (in Serbian).

Milyukov P. N. Christian Values of Western Macedonia. *Izvestiia Russkogo arheologicheskogo instituta v Konstantinopole (Bulletin of the Russian Archeological Institute in Constantinople)*, 1899, vol. IV–1, pp. 21–151 (in Russian).

Nemykina E. A. Imperial Ideology Expressed in the Church Architecture of the Tsar Dusan the Mighty and His Nobles in Macedonia. Zakharova A.; Maltseva S.; Stanyukovich-Denisova E. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 11*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press Publ., 2021, pp. 492–500. DOI: 10.18688/aa2111-04-38 (in Russian).

Novaković S. *Zakonski spomenici Spskih drzhava srednjega veka (Statutory Monuments of the Serbian States of the Middle Ages)*. Belgrade, 1912. 912 p. (in Serbian).

Radojičić Đ. Sp. Who Built Zaum Monastery? *Istorijski pregled (Historical overview)*, 1954, no. 1, pp. 44–46 (in Serbian).

Snegarov I. *Istoriya na Okhridskata arkhiepiskopiya. T. 1. Ot osnovavaneto i do zavladavaneto na Balkanskiya poluostrvot ot turtsite (History of the Ohrid Archbishopric, vol. 1: From Its Foundation to the Conquest of the Balkans Peninsula but the Turks)*. Sofia, 1995. 347 p. (in Bulgarian).

Soulis G. *The Serbs and Byzantium During the Reign of Tsar Stephen Dušan (1331–1355) and His Successors*. Washington, Dumbarton Oaks Library and Collection Publ., 1984. 353 p.

Spremić M. *Despot Đurađ Branković i njegovo doba (Despot Đurađ Branković and His Era)*. Belgrade, Srpska književna zadruga Publ., 1994. 859 p. (in Serbian).

Subotić G. *Sveti Konstantin i Jelena u Ohridu (The Church of Stt. Constantine and Elena in Ohrid)*. Belgrade, Institute of Art History, 1971. 144 p. (in Serbian).

Šput M. *Manastir Banjska (Banjska Monastery)*. Beograd, Republički zavod za zaštitu spomenika culture Publ., 2004. 48 p. (in Serbian).

Šuica M. About Caesar Grgur. *Zbornik Radova Vizantologskog instituta (Proceedings of the Institute for Byzantine Studies)*, vol. 34, 1995, pp. 153–172 (in Serbian).

Vocotopoulos P. Church Architecture in the Despotate of Epirus: The Problem of Influences. *Zograf*. Beograd, 1998–99, no. 27, pp. 72–92.

Voronin N. N. Architectural Monument as a Historical Source. *Soviet Archeology*, 1954, no. 19, pp. 41–76 (in Russian).

Voronova A. A. Features of “Byzantinization” in Serbian Architecture in the Time of King Milutin (1282–1321). *St. Tikhon's University Review, Series 5: Problems of History and Theory of Christian Art*, 2017, no. 28, pp. 26–48 (in Russian).

Zakharova A. V.; Dyatlova E. S. On the Builders and Painters Active in Prilep, North Macedonia, in the Late 13th Century. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2020, no. 2, pp. 46–72 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu19.2020.204

Zakharova A. V.; Maltseva S. V. Artistic Traditions and Church Ideology in the Art of Macedonia at the Time of the Foundation of the Archbishopric of Ohrid. *Vizantiiskii Vremennik*, vol. 106, 2022, pp. 174–199 (in Russian).

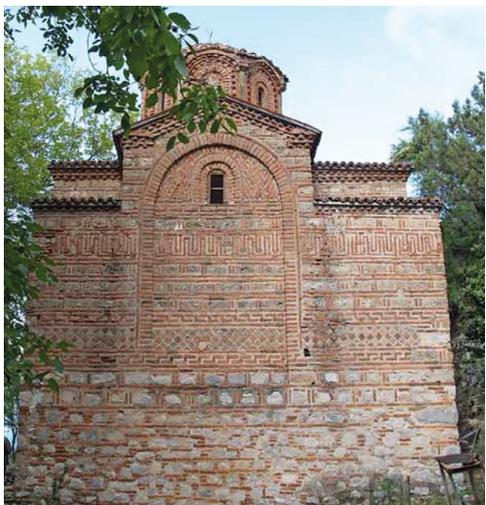
Zavorina M. L. The Tradition of Epirus in the Late Byzantine Architecture of North Macedonia. Zakharova A. V.; Maltseva S. V.; Stanyukovich-Denisova E. Yu. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 11*. St. Petersburg, Saint Petersburg University Press Publ., 2021, pp.468–479 DOI: 10.18688/aa2111-04-36 (in Russian).

Zavorina M. L. Palaeologan Architecture on the Byzantine Periphery: The Case of Ohrid. *Niš and Byzantium*, 2022, vol. 20, pp.305–322.

Zloković M. Old Churches in the Areas of Prespa and Ohrid. *Starinar*, 1925, pp. 115–149 (in Serbian).

Илл. 98. Церковь Богородицы Захумской, Охридское озеро, 1361 г. Вид с северо-запада. Источник: Wikimedia Commons https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Church_of_the_Theotokos_of_Zaum_Lake_Ohrid_1.jpg

Илл. 99. Церковь Богородицы Захумской, Охридское озеро, 1361 г. Южный фасад. Воспроизводится по: *Čirić J.* Brick Substance at Zaum Church in Ohrid // *Patrimonium*. МК. — 2013. — Year 6, № 11. — P. 100

Илл. 100. Церковь Богородицы Перивлепты, Охрид, 1295 г. Вид с северо-востока. Фотография М. Л. Завориной

Илл. 101. Церковь Св. Иоанна Богослова Канео, Охрид, 1270–1280-е гг. Вид с юго-востока. Фотография М. Л. Завориной